

МОЙ
ПЕРВЫЙ РОМАН

ЕКАТЕРИНА
КАРЕТНИКОВА

ПрЕдаТель

из
паРаллельного

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К22

Рисунок на обложке
Д. Лапшиной

Каретникова, Екатерина Алексеевна.

К22 Предатель из параллельного: [повесть] / Екатерина Каретникова; худож. Д. Лапшина. — Москва: Издательство АСТ, 2024. — 173, [3] с. — (Мой первый роман).

ISBN 978-5-17-168027-5.

Двоюродные сёстры Света и Аля отправляются в круиз на теплоходе. Их ждут интересные места, новые друзья и заслуженный отдых (после учебного года) в шезлонгах на Солнечной палубе. В общем, каникулы обещают быть чудесным. Но между девочками будто чёрная кошка пробежала. Аля ведёт себя заносчиво, явно что-то недоговаривает и во всех своих бедах винит младшую сестру. Свете тоже есть за что обижаться на Алю: ведь пока девочка лежала в больнице, Аля начала встречаться с её парнем...

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Каретникова Е. А., 2024
© Лапшина Д. Ю., рис. на обл., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ГЛАВА 1

Ключ бесшумно повернулся. Ника подёргал дужку замка. Она не поддалась. Вот и всё: сарай заперт, моторка ждёт. Ника засунул ключ под плоский камень у двери и поправил налобный фонарик. Свет, лившийся узкой полосой, выхватил из темноты дощатые мостки с железными перилами. Придерживаясь за перила, Ника побрёл к краю.

Моторка покачивалась на мелких волнах. Ника перебрался с мостков в лодку и стянул с головы фонарик. Теперь он ему не понадобится. У моторки свои огни.

Он в последний раз оглянулся на тёмный сарай, перевёл дыхание и включил двигатель. Тот заурчал мощно и ровно. Моторка плавно отошла от мостков и повернула на север. Туда, где шуршала волнами большая вода.

* * *

За свои четырнадцать лет Ника видел четыре моря. Четыре самых настоящих моря, и в каждом из них вода была особенной.

В Чёрном — сине-зелёной, прозрачной, тёплой даже на взгляд, с парашютиками медуз и стайками рыб, кружащими у причала. Ближе всего к бетонной стене подплывали остроносые тёмные мальки. Они резвились у поверхности, хватали семечки и крошки батона. Чуть глубже держались рыбки покрупнее, их спины отливали красным огнём. А у дна, почти касаясь песка, проносились странные длинные рыбы-тени с растопыренными передними плавниками. В эту воду сразу хотелось нырнуть и плавать долго-долго, пока глаза не покраснеют от солёных брызг и плечи не заноят от непривычной усталости.

Белое море встретило Нику тёмной глубокой синевой, ослепительно блестящей на северном солнце. Катер качался на острых волнах. На горизонте то и дело выныривали чёрные острова, окутанные белёсым туманом. У берега лениво извивались длинные гирлянды водорослей, под ними белели камни. Заходить в такую воду Ника не решился. На каменистом пляжике он медленно закатал рукава рубашки и окунул в море руки. Пальцы сразу же свело, будто сотни ледяных иголок впились в кожу.

Предатель из параллельного

Балтийское море Ника видел серым, изрезанным гребнями волн. На воде вспенивались белые бурунчики, взлетали, рассыпались брызгами и разбивались о камни. Камней было много. Они высывались среди волн то округлыми макушками, то плоско срезанными гранями, а иногда едва просвечивали сквозь мутную пену. Чтобы искупаться, нужно было долго идти по щиколотку в холодной воде, огибая скользкие камни и подпрыгивая, когда очередная волна летела к берегу. На плаву Ника продержался минуты две. Волной его накрыло целиком, он захлебнулся, долго откашливался и тряс головой, потому что в уши затекла вода. Если бы не это, он, наверное, покачался бы на волнах, как остальные, но в ушах противно шуршало и прыгать не хотелось. Хотелось закутаться в махровое полотенце и выпить обжигающего чая из термоса.

Японское море показалось Нике самым зелёным. Оно было холоднее, чем Чёрное, но и в нём у причала сверкали гладкими спинами рыбы. Сквозь кристально прозрачную воду Ника разглядывал песчаное дно и не мог определить глубину. Купаться Нике не довелось — не было времени. Но пройти босиком по кромке воды он всё-таки успел. И почувствовать, как от соли щипало каждую крохотную царапинку — тоже.

* * *

Ни на одном море ему не было страшно. А здесь Ника чувствовал, что ещё чуть-чуть, и он не сможет не то что двигаться, но и думать ни о чём другом, кроме того, как добраться до берега.

«Это паника, — повторял себе Ника. — Просто глупая паника. На самом деле ничего страшного нет!» Ведь перед ним даже не море, а самое обыкновенное озеро. Ну пусть не совсем обыкновенное, пусть огромное и очень глубокое. Так ведь не в этом же месте. Это где-то там, далеко, за много-много километров, где не видно ни клочка суши. А здесь, Ника знает, не так уж и глубоко, и рядом полно островов. До любого из них на моторке — минут пятнадцать хода малой скоростью.

Значит, бояться нечего. Нужно просто плыть, спокойно, медленно, не сворачивая с намеченного курса. Вернее, как сказали бы моряки, не плыть, а идти. Идти туда, где светятся огни. И знать, что в любой момент можно вернуться обратно. Когда Ника думал об этом, страх отпуская. Пусть не до конца, но всё-таки руки слушались и почти не дрожали, сердце стучало в груди, а не под горлом, и даже как будто становилось чуть-чуть теплее. Хотя вообще-то Ника здорово замёрз. Он не подозревал, что поздним летним вечером на воде будет так холодно.

Предатель из параллельного

Честно говоря, он много чего не подозревал. И того, что в этой части озера то и дело проносятся катера, от которых расходятся мощные волны, раскачивающие его моторку так, что вода едва не перехлестывает за борт. И того, что на небе соберутся лохматые дождевые тучи. И того, что темнота вокруг подступит близко-близко.

Правда, у Никиной моторки были бортовые огни — зелёный и красный. А ещё небольшой, но яркий фонарь на задней скамейке. Если бы не они, Ника, наверное, потерялся бы в этих пасмурных сумерках. С огнями он по крайней мере мог не бояться, что кто-то не заметит его и врежется в маленькую моторку на полной скорости. Вернее, не очень сильно бояться.

Ника застегнул молнию ветровки до подбородка и прибавил скорость. До цели ему оставалось пройти километр, не больше. А потом будет нужно найти укромное местечко, чтобы не попасться на глаза береговой охране, опустить якорь и ждать, пока издали не покажется, сияя иллюминацией, огромный теплоход. И вот тогда...

Тогда, Ника думал, всё решится.

Если бы он не струсил, то всё могло решиться гораздо раньше. И не пришлось бы придумывать этот план, казавшийся даже лучшему другу совершенно фантастическим.

И рассекать на моторке тёмную воду, дрожа от холода, тоже не пришлось бы.

Но теперь что об этом говорить? Поздно. Или Ника сделает то, на что решился, или навсегда останется тем, кем казался себе все последние месяцы... А этого Нике не то что не хотелось — он просто не мог с этим жить.

ГЛАВА 2

Палуба качнулась плавно, почти незаметно, но Алька взвизгнула и обеими руками ухватилась за поручень.

— Ты что? — удивилась Света. — Боишься?

Алька дёрнула плечом и фальшиво улыбнулась.

— Вот ещё! Просто туфли скользкие.

Света посмотрела на Алькины туфли — новые, светло-бежевые на высоких остреньких каблуках.

— Может, переобуешься?

— Да ну, — фыркнула Алька. — Я хочу быть красивой. Это ты всегда в кроссовках.

Света подумала, что не всегда, а только последние полгода, с тех пор, как с правой ноги сняли швы. Если она наденет туфли, то через пять минут ступни мучительно заноют и придётся ковылять по теплоходу,

Предатель из параллельного

пошатываясь и то и дело хватаясь за леера. Какая уж тут красота? Но напоминать об этом не хотелось. Да и вообще ворошить ту историю было до сих пор как-то... Не то что страшно, но неприятно и почему-то стыдно. Хотя Света и не сделала тогда ничего плохого. Просто она была счастливой и глупой. И забыла обо всём на свете.

Правда, потом случилось ещё кое-что, после чего между ней и Алькой как будто натянулась невидимая плёнка. Внешне вроде бы всё оставалось по-прежнему, но на самом деле Света чувствовала — Алька никогда не будет ей доверять. Как когда-то. Когда деревья были большими, а взрослые могли защитить от любой беды.

— А на экскурсию завтра ты тоже в этих туфлях пойдёшь? — поинтересовалась Света, прогоняя грустные мысли.

— Конечно, — кивнула Алька. — Тем более что придётся надевать длинную юбку. В юбке и без каблуков только старушки гуляют.

— Значит, я — старушка?

Алька убрала руки с леера и аккуратно поправила воротник блузки. Блузка была дорогая, из нового магазина. Розовые и серебристые полосы на белом фоне переливались под солнечными лучами так, что слепило глаза.

— Ты не старушка, — уверенно заявила она. — Просто тебе всё равно. А мне — нет.

Света вздохнула. Вроде бы и ничего особенного в Алькиных словах не было, но Света почувствовала, что ещё чуть-чуть — и заплачет. В последнее время Алька часто говорила такое, от чего Света казалась себе... Как бы это объяснить? Неправильной, что ли? Старомодной, никому не нужной и до смешного глупой. Иногда после таких слов Света убегала куда-нибудь и давилась слезами. Но спорить или что-нибудь объяснять Альке она бы не решилась. Потому что, во-первых, Алька была старше на год. Пятнадцать лет — это вам не четырнадцать. Во-вторых, подруга давно жила совсем по другим правилам. Например, могла не вернуться домой в десять вечера и даже не позвонить матери. Или выкраситься в платиновую блондинку. Или взять на пару дней норковый полушубок у взрослой подружки-соседки. У Светы никогда не было взрослых подружек. И в-третьих... Света знала, что Алька до сих пор считает её виноватой.

— Пойдём на корму? — предложила Света, изо всех сил стараясь скрыть обиду.

Алька снисходительно кивнула и взяла её под руку.

Предатель из параллельного

На корме стояли круглые пластиковые столы с креслицами и две длинные скамьи.

Алька плюхнулась на скамью.

— А тут ничего, — заметила она, покрутив головой. — Удобно. И так симпатичненько.

— И ветра нет, — добавила Света. — Вот на носу нас бы сдуло!

— А давай на нос сходим? — предложила Алька. — Встанем там, раскинем руки и будем играть в морских птиц. Только переоденемся. У тебя куртка есть?

Иногда она любила изображать маленькую девочку. Свете это казалось глупым, но она ни за что не призналась бы Альке, что в такие моменты стесняется её.

— Конечно.

— А у меня плащ. Пошли в каюту, возьмём?

— Иди, — улыбнулась Света. — Я не замёрзну.

Алька, громко цокая каблуками, направилась к двери, ведущей с открытой палубы в салон.

Света поёрзала в кресле, устраиваясь. Лёгкий ветер пах водой, мокрым песком и немножечко тиной. Так пахнет только вечером на большой реке. Или на озере. Но никогда — в городе. Света подумала, что за последние месяцы почти возненавидела го-

род. Свой родной маленький городок, где все соседи знают друг друга.

За теплоходом тянулся кильватерный след. У самого борта вода бурлила и пенилась, будто в гигантском котле русалки решили сварить уху, но чем дальше от борта, тем меньше становилось пены, а след превращался в две расходившиеся волны.

Монотонно гудели двигатели. Над палубой кружились и кричали откормленные чайки.

Света подумала, что может сидеть здесь одна до самого вечера. И ни о чём не вспоминать. И ничего не бояться. Здесь, на четырёхпалубном теплоходе, никто не посмотрит на неё с презрением, никто не будет шептаться по углам, бросая косые взгляды в её сторону. А ведь она почти привыкла к этому, хотя сначала ей казалось, что такие взгляды прожигают дыры на коже, а от свистящих шепотков мучительно шумит в ушах и она глохнет. Вот только Алька... Алька вряд ли даст ей забыть обо всём.

Алька выплыла из-за стеклянной двери, запахнула джинсовый плащ и процокала к Свете.

— К кругосветному путешествию готова, — дурашливо отрапортовала она.

— Тогда уж — к кругопалубному, — поправила Света.

Предатель из параллельного

На корму выбежал мальчик лет пяти в футболке с пучеглазым медведем на груди и голубых джинсах.

— Мама, — закричал он. — Пошли скорей! Там птички!

Следом появилась кудрявая женщина с коричневой сумочкой в руках.

— Зайка, подожди! — попросила она, лихорадочно роясь в сумке. — Маме нужно убрать важную бумажку!

— А чего её убирать? — хихикнул малыш. — Смотри, как тётя важную бумажку носит!

И показал пухлым пальчиком на Свету с Алькой. Кудрявая обвела девочек непонимающим взглядом и вдруг резко отвернулась. Света услышала короткий сдавленный смешок.

— Зайка, пальцем показывать неприлично! — заявила женщина через минуту чуть хриповато, взяла сына за руку и потащила вдоль палубы.

— Ну, мам, — заныл малыш, — там птички!

— Это чайки, — проворчала мать. — Они могут тебе испачкать Мишутку.

— Как?

Что ответила кудрявая, девочки уже не слышали.

— Да понятно — как, — проворчала Алька. — Слушай, а что они имели в виду? Ну про бумажку какую-то?

